СВИНЦОВЫЕ
ОБЛАКА
МАРК ПЕРОВСКИЙ

Марк Перовский

Свинцовые облака

«Издательские решения»

Перовский М.

Свинцовые облака / М. Перовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851756-3

Наш мир превратился в сплошной ком из грязи, похоти и страданий. Огромное хранилище зловонной смеси отчаяния и страха, в котором тонули люди, мечтавшие выбраться из этого ада. И теперь, когда все реки отравлены, а серая жизнь угасает быстрее, чем рождается новая, никто не знал, какую кару стоит нам ожидать. Последует ли она за тотальным уничтожением колыбели человечества, сметая с пути тех, кто отказался жить в гармонии с миром? Или же люди так и останутся безнаказанными?

ISBN 978-5-44-851756-3

© Перовский М.
© Издательские решения

Содержание

I 6
II 11
III 16
IV 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Свинцовые облака

Марк Перовский

Этот роман я посвящаю тем, кто дорожит колыбелью человечества и мечтает превратить её в рай.

© Марк Перовский, 2018

ISBN 978-5-4485-1756-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Небо в тот день не подавало признаков жизни. Обычное песчаного цвета полотно, безжизненно раскинувшееся над всеми нами. Оно, казалось, укрывало нас от страха, от боли и скорби давно погибших людей, но никогда ещё я не чувствовал это. Крики шли вместе с ветром. Но никто не слышал их, кроме меня.

Облака, словно налитые свинцом, плыли по грязному небосводу, грозились упасть и раздавить к чёрту всех и каждого, кто посмеет встать у них на пути. Они плыли надменно, изредка бросая на нас свои презрительные взгляды, и так же вальяжно исчезали за горизонтом, оставляя нас наедине со смертью, которая каждый день приходит на чей-то порог. Вот и сегодня так случилось.

Я оперся на свою старую добрую трость из дуба и повернулся влево, чтобы увидеть то, что происходит в соседнем общежитии – широком двухэтажном здании песочного цвета – с самого утра там стоял невообразимый гвалт голосов: кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то спорил – но разобрать, о чём идёт речь мне так и не удалось. Идти мне тяжело, ну и пусть. Когда-нибудь мне и об этом расскажут.

К соседнему дому подъехала полицейская машина. Чёрная ласточка, вылетевшая из пыльной бури утраченного времени, безглавый орёл со сломанными крыльями. В этих песках скольких людей они не смогли найти. И скольких сами туда отправили. На них лежит вся ответственность.

Из салона вышли двое в тёмном обмундировании, с фуражками на полулысых головах. Их руки были в чёрных кожаных перчатках, на ногах – высокие сапоги. Среди этих чёрных ястребов наше поселение выглядело если не бедно, то по-настоящему удручающе. Они подняли клубы пыли и шли ближе к соседнему дому, на них неотрывно смотрели домохозяйки, алкоголики и маленькие дети. В их взглядах я мог заметить лишь зияющую дыру опустошения и жёлчь страха. Они страшились чего-то, больше чем смерти. Для них в таком случае смерть была бы выходом.

Я всегда думал о том, как спокойно выглядели люди в критических ситуациях. Одна женщина, выбегая из горящего здания, из которого мы в войну отстреливались, как могли, бежала с открытым ртом и не могла издать не звука, но её лицо… оно застыло в неистовом диком ужасе, что придавил горло и не давал завопить, что есть мочи. Другие обычно кричат, некоторые просто рыдают от горя или от счастья, что спаслись. Когда-то мы все так делали, но немногие смогли сохранить в себе частичку спокойствия.

Нас погубит наше безрассудство и безразличие. Люди – существа социальные, но человек всегда будет чувствовать себя одиноким в толпе, ведь в каждый из них ему никто. Никто никому ничего не должен. Никто никого не знает. Никто не берёт ответственность.

Так и живём.

– Да пропустите же! – габаритная женщина в домашнем застиранном сарафане пыталась протиснуться сквозь толпу жильцов, чтобы, наконец, во всём разобраться. Но люди стояли и не понимали в чём дело, вот и получалась давка. Как хорошо мне было смотреть на спектакль, стоя в десяти метрах от всего этого маленького кошмара.

Я осмотрел своё крыльцо и понял, что оно ничем не отличается от того, что стояло чуть поодаль, за которым случилось что-то плохое. В сущности, все мы были одинаковы, все мы были равны. Ну и отчего я тогда радовался? Тому, что горе не у меня? Какой позор.

Из дверей моего общежития вышел мой старый друг, имя которого я иногда забывал. Его лицо мне было всегда знакомо – пусть в голове оно размывалось волнами памяти и маразма, но стоило мне завидеть его вдалеке, как тут же всё возвращалось на круги своя. Странная штука эта память – старается забыть всё нужное, оставляя лишь хлам прошлого.

– Говорят, убили кого-то. Или поджог что ли, – будто бы сам с собой бросил он в небо и щёлкнул зажигалкой. Я почувствовал, как лёгкий ветер пригнал еле уловимый запах табачного дыма. Он курил сегодня свои любимые сигареты, и я даже по запаху мог это узнать.

– Узнаем сейчас, – невзначай ответил я спустя пару секунд гробового молчания на фоне крушащегося пласта общества. – Раз полиция приехала, значит что-то серьёзное. Видать, правда, убийство.

– Они каждый раз полицию вызывают, им же всё равно по какой причине, – мой друг вдохнул поглубже и выдохнул облачко дыма. – На прошлой неделе кто-то упал со второго этажа. Думал и, что сам, а оказалось, что пьяный друг его… того, скинул. Умер, разбившись об забор.

– Было бы всё это правдой. Никто ведь ей не разбрасывается просто так, в нашем-то захолустье.

– Люди говорят, что…

– Да люди много чего говорят, – перебил его я, развернувшись, и впервые за весь день посмотрел в его лицо. Майкл. Я вспомнил. – Никому нельзя верить. Они почти всегда лгут. Это ведь так сложно – удерживать свой статус в обществе, верно? А они и рады. Подставляют всех, предают, убивают. Чему тут удивляться?

– Генри, – сказал Майкл и потушил сигарету, бросив окурок на бетон и раздавив его ногой, – Генри, ты же знаешь, что твои разговоры ничем не помогут. Зачем ты снова распинаешься?

– Потому что молчать уже нет сил. Ей Богу, нет.

– Я когда в России жил, там тоже всё так было. И ничего, выжил.

– Но ты жил при царе. А когда революция, война, когда всё это началось, я был по другую сторону баррикад, – я нахмурился и посмотрел на него снизу вверх. – Везде было одинаково, Майкл. Мы все были по уши в этом.

– Возможно, ты и прав, – вздохнул парень и, поправив свою тёмно-зелёную рубашку, облокотился на стену общежития. Затем посмотрел на толпу, неожиданно притихшую после какой-то брошенной в воздух фразы. – Кажется, разобрались. Смотри.

Я повернулся и увидел двух полицейских, ведущих нашего старого знакомого – Клайда – прямо в машину. Они бросили его на заднее сиденье, словно тряпичную куклу, набитую ватой или опилками. Закрыли двери на замок и, сев на свои прежние места, кинув презрительный взгляд на всех тех, кто стоял у входа, уехали. Взревел мотор, и уже спустя пару минут и несколько облаков пыли их не было видно на горизонте.

– Ну что, хочешь спросить ещё, что случилось? – я кивнул в сторону уже рассасывающейся толпы. Люди скрывались внутри здания, в темноте или полуденной тьме этого тяжёлого утра. Они выглядели измученными, до смерти уставшими и потерянными. Но почему-то никто не выказывал желания умереть. Они хотели бороться.

– Да что тут спрашивать, и так всё ясно, – махнул рукой Майкл. – Клайд всегда был тем ещё дурнем, и выпивать любил. Как после войны вернулся, так и сидит теперь, пьёт рюмку за рюмкой. Вот и допился.

– Думаешь, в пьяном угаре убил кого-нибудь?

– Это очевидно. Видать, не совладал с собой. Теперь платить будет за грехи. Ладно, идём внутрь, жарко ведь.

Майкл спустя секунду скрылся в прохладной тени коридора, а я ещё пару секунд стоял и ждал, когда я всё пойму и смогу дать ответы на все вопросы. Но почему-то в голове была пустота.

Я зашёл за парнем, и вместе мы поднялись на второй этаж. Длинный коридор с деревянными дверями, огромное окно в конце, проливающее белоснежный свет на эту гадость. То тут,

то там лежали какие-то коробки, стоял холодильник, громко шумевший ночами, где-то слышалась ругань и шум радио. Даже ванная комната была занята весь день – сегодня жарко.

Мне почему-то наоборот было холодно. Но не снаружи, а изнутри. Что-то мешало мне чувствовать себя гармонично, как это бывало из раза в раз каждый день. Теперь мне казалось, что я упустил что-то важное из виду, но не мог понять что, и эта загадка была такой же далёкой, как ещё десять минут назад имя того парня, что шёл по коридору рядом со мной. Я прихрамывал, обходил коробки и коврики, медленно переставлял свою трость по скрипучему деревянному полу. Я шёл ужасно медленно, но после того, что случилось, торопиться мне было особо некуда. Простой бесцельный шаг, какой бывает у тех, кто потерял свою жизнь на войне и вернулся лишь пустой оболочкой. В таких людях уже не оставалось ничего, у них не было никого, и даже некому было пожать руку, ведь эти руки рассыпались в прах там, на поле боя, где каждую секунду кто-то умирал в агонии и страшных мучениях, видя, как враг глумился над ним. Такие люди умирали в одиночестве, не доживая до старости. Чаще всего их находили в своих же комнатах на люстрах. И почти каждая вторая комната была когда-то могилой для ещё одного усопшего.

– Пойду я, – сказал я, остановившись у своей потёртой старой двери. Она была скрыта в тени и нередко сливалась со стенами, отчего заметить её было крайне трудно. – Цветы ещё надо полить.

– Всё ещё возишься с ними? Я-то думал, они не выживут здесь, в таких-то условиях, – усмехнулся Майкл.

– Это мы дохнем как мухи, а растениям много не надо. Вот они и живут и смотрят, как умираем мы.

– Ладно, удачи с твоей теплицей, я пойду посмотрю как там дела у моей жёнушки. Всё-таки и так редко с ней видимся, – сказал Майкл и уже хотел уйти, но увидев мою протянутую руку, на секунду замешкался. – До встречи.

Он вяло пожал её и скрылся во второй двери на противоположной стороне коридора. Я, оставшись один, забрёл к себе.

Моя комната была самой странной среди всех тех, кто жил по соседству. Мой дендрарий, мой райский уголок и моя отрада – вот что делало меня человеком всё это время, что я жил здесь. Огромные просторы зелени и океан вечной жизни, который будет и после всех нас. И я среди них: больной, хилый и точно уж не вечный. Это было противное ощущение – осознавать, что жить будешь не вечно – но без него никуда. Каждый день эта мысль стабильно посещала меня по утрам и по вечерам, когда я ложился в кровать и выключал ночник, чтобы на время забыться и перестать быть человеком, которым я не хотел становиться. Закрывал глаза, а передо мной расстилалось бескрайнее поле пшеницы. Ветер ласкал колосья, завывал в вышине и гонял с запада на восток лёгкие облака. Где-то вдалеке слышался гул людей и кипящей работы, а я стоял и смотрел на красоту, раскинувшуюся вокруг. Но когда открывал глаза, видел лишь отголоски прекрасного, яркие пятна на полотне серой жизни – мой дендрарий.

Вот и сейчас так. Я стоял среди растений и чувствовал, что это лишь малая часть того, что я мог бы увидеть, не мучай я себя и то, что неведомым образом держало меня в этом городишке. Словно огромные цепи меня сдерживали предрассудки и страхи, но времени побороть их у меня теперь предостаточно. До своей смерти я должен был успеть. Я не хотел умереть бесславно и абсолютно незаметно. Но кто же меня спросит об этом? Никто.

Я погладил маленький горшок с ромашками, бросил взгляд на папоротник, раскинувший свои листья на полу, словно огромный осьминог. Удивился герани, что весело сияла на подоконнике. Всё выглядело обыденно, привычно и избито. Но из раза в раз, день за днём я всё больше убеждался, что кроме этого у меня больше ничего нет, что это – мой маленький эдемский сад, в котором бог погиб, а древо познания сожжено.

Вдруг в дверь постучали. Я обернулся и внимательно посмотрел на неё. Казалось, ничего необычного, но что-то мне подсказывало, что этот «кто-то» пришёл не чай пить.

«Я никого не жду», – подумал я, осторожно и медленно подходя ближе к выходу.

Но, похоже, что ждали меня. Ждали и надеялись.

На пару секунд я замешкался и, не решаясь дёрнуть ручку, стоял и смотрел, ожидая, что человек либо уйдёт сам, либо откроет дверь.

– Я знаю, что вы там! Я к вам по делу. Это срочно! – басистый мужской голос завопил с той стороны двери.

Этот окрик вывел меня из оцепенения, и я дёрнул дверь на себя. Передо мной стоял невысокий мужчина лет тридцати пяти с блестящей залысиной на макушке. В руках он держал небольшой кожаный дипломат, а на правой штанине красовалось сероватое пятно неизвестного происхождения.

Он смотрел на меня сначала с недоверием и даже какой-то странной нетерпимостью, но затем мужчина резко изменился в лице: морщины разгладились, взгляд стал чуть более нейтральным.

– Здравствуйте, это вы разводите растения? – осторожно спросил мужчина.

Я кивнул.

– А сколько стоит у вас одна роза?

– Нисколько, – не задумываясь, ответил я. – Они не продаются. До свидания.

Я уже хотел было закрыть дверь, но тот остановил меня, рукой придержав дверь.

– Ну, может, ради исключения… – умоляюще сказал он.

Я неосознанно повернулся к своей маленькой клумбе роз, что стояла рядом с одинокой геранью. Они были ещё совсем молодые, только-только начинали раскрывать свои бутоны. Их цвета казались мне непередаваемы.

– Так что, может, присядем? – деловито и с намёком в голосе сказал он и прошёл внутрь моей комнаты.

– Я не могу продать вам эти цветы, – сказал я, прекрасно понимая, чего хотел этот человек – впечатлить свою возлюбленную или жену. Неудивительно, ведь ко мне часто приходили люди с такими просьбами, а розы были лучшим подарком во все времена. Однако в наших краях розы водились редко, и я взял на себя ответственность за их разведение.

– Почему же? – мужчина прошёл к дендрарию и с поддельным интересом рассматривал папоротник.

– Эти цветы я выращиваю чисто для себя, – серьёзно ответил я. – Не для продажи.

– Ой, да бросьте! – рассмеялся тот. – Каждый человек мечтает получать деньги за свой труд, и вы не исключение. Я прав?

– Возможно, – я скрестил руки на груди, облокотившись на стену. – Но цветы я вам всё равно не продам.

– Не думал, что ваши принципы настолько прочны.

– Прочнее, чем вы думаете.

– Знаете, – начал вдруг он расхаживать по комнате, – я вообще попал сюда случайно, ибо мой шофёр заблудился и привёз меня к чёрту на рога. Но у меня в машине лежит больная жена. Довольно почётного возраста, надо сказать. По крайней мере, на вид она выглядит именно так.

Я стоял и смотрел на то, как он откровенничал со мной, с долей скепсиса. Не хотелось мне продавать цветы, это было и делом принципа, и человек не особо нравился. Бесцеремонный, нахальный человек.

– И болезнь у неё довольно тяжёлая, – продолжал он. – И знаете, что она у меня попросила, если вдруг умрёт, не доехав до этой злосчастной больницы? Розу. Одну-единственную розу.

В тот момент я почувствовал себя максимально скверно. Я уже почувствовал, как столбы моральных устоев начали медленно трещать по швам и разваливаться, засыпая мою душу под обломками.

– Так неужели вы не можете продать мне одну розу?

– Вы сейчас серьёзно? – спросил неожиданно я. – Не врёте?

– Чистейшая правда, – мужчина положил руку на сердце и блаженно закрыл глаза. – Богом клянусь.

– Не стал бы я разбрасываться такими клятвами.

– Ну и пусть, всё равно Бог помог бы моей жене, если бы он существовал. А так… я могу говорить о нём всё, что угодно, пока кто-нибудь не докажет его реальность.

– Неплохая позиция, – я взял трость в руку и подошёл чуть ближе. – Но что будет, если окажется, что бог есть? Что вы тогда сделаете?

– Наверное, стану молиться, как и все, – тот пожал плечами, затем поправил свой пиджак. – Когда бог приходит во плоти, ничего другого на ум и не приходит. Так вы продадите мне розу?

Секунду я колебался, но понимал, что буду выглядеть бездушным скотом, если не продам её. Нельзя было падать в глазах людей, особенно в таком маленьком и замкнутом кругу взаимоотношений и чувств. Здесь все друг друга знают, и слухи разлетелись бы как горячие пирожки. И эта дилемма заставила меня на секунду задержаться прямо перед аккуратным срезанием стебля.

– Сколько я вам должен? – спросил мужчина и открыл дипломат.

– Сколько дадите. Это же… от чистого сердца, – сказал я.

Тот недолго покопался во внутренностях своего кожаного друга и извлёк оттуда две бумажки по сто марок.

– Вы щедры, – я положил деньги на тумбу рядом с кроватью. – Спасибо.

– Это вам спасибо, вы мне жизнь спасли, да и моей жене тоже, – мужчина закрыл дипломат и, аккуратно взяв розу, пошёл на выход. На пороге он развернулся и, кивнув, удалился.

А я остался один. Без части себя. Без розы.

II

Было бы странно, если бы я никогда не задумывался о прошлом. Оно преследовало меня постоянно, пряталось тёмным туманом между грязноватыми зданиями, переливалось светом окон домов, что неотрывно следили за мной, сочилось сквозь коллекторы, откуда я чувствовал такой чужой и такой знакомый запах отчуждённости и смерти. Казалось, всё наполнено прошлым, весь мир впитывал эту субстанцию, превращая жизнь обычного человека с камнем на сердце в настоящий кошмар.

С запада шли серые тучи. Песчаные заросли нашего захолустья приняли этот цвет и понемногу начинали сливаться с серым полотном, откуда каждые пару минут доносился грохот. Сверкали молнии.

Ветер усиливался, и мне пришлось закрыть окно, чтобы не навредить герани, одиноко стоящей на окне. Даже розы от прохладного летнего бриза дрожали и готовились опасть. Я не мог этого допустить. В руках дрожала лейка, и с каждой минутой чувство тревоги обуревало меня: хотелось поливать цветы дни напролёт, лишь бы они не засохли, но вовремя понимал, что так делать нельзя.

Тот мужчина, что приходил днём… он всё ещё всплывал в моей голове размытым пятном. Не знал я, чем он меня так зацепил, но его сверкающая лысина надолго врезалась мне в память, да и дипломат его был довольно неплох. Он купил розу для своей больной жены. Кто-то скажет, что это благородство. Кто-то – что любовь. Но я сказал бы, что это всего лишь жалость. Он любил её, да, но только потому, что не хотел, чтобы она умерла, будучи обиженной на него, на его возможные измены и прочие провинности. Эта роза была разменной монетой прощения. И цена этой монете – две сотни марок.

Я поставил лейку возле папоротника и подошёл к чуть пыльному окну. За ним, на пустой улице, покрытой нескончаемым пеплом и прахом давно ушедших дней, я видел дорогу, вдоль которой и расположился наш городок, выживающий только лишь на военных продовольственных заказах. Ферма работала круглые сутки, лишь бы о нас не забыли, но взамен, по сути, не получали ничего.

В нескольких сотнях метров от дороги, смотря на запад, можно заметить большой серый амбар и невысокий забор, окружавший курятники и свинарники. А вокруг всего этого различалась тёмная, песчаная гладь колосьев, медленно колыхавшихся на ветру. Скоро они вырастут, и их без зазрения совести срежут работники фермы, которым когда-то был и я. Но вспоминать об этом мне не хотелось. Хотя бы не сейчас, когда мир находился в благоговейном забвении в ожидании грозы, дарящей и жизнь, и смерть.

Выйдя из комнаты, я вновь очутился в пустой кишке коридора, напичканной всяким мусором постояльцев. Всё тот же холодильник, всё те же коробки, всё та же гнетущая пустота и ветер, разгуливающий внутри здания. Шум рефрижератора раздражал меня больше, чем грохот канонады на поле боя. Казалось, этому не будет конца.

Скоро будет ланч. Я должен был спуститься на первый этаж в общую кухню, где в это время собирались такие же, как я – униженные, оскорблённые временем. Люди, чьи возможности ограничены. Но я относился к ним лишь наполовину.

– Какая сегодня замечательная погода! – мечтательно сказала женщина-волонтёр по имени Клара, смотря в окно и перебирая ложки в ящиках. – Чую, сегодня будет хороший дождь.

– Плохо это, – ответил ей старый мужчина, сидевший за обеденным столом с двумя мужчинами-колясочниками и играющий с ними скат. – Воды много будет, грунт размоет, посевы погибнут.

– Да на кой чёрт тебе эта пшеница? – возмутился худенький старичок в коляске. – Ну, погибнет и погибнет. Всё равно помирать скоро.

– Типун тебе на язык, – буркнул второй старичок на коляске. Он выглядел чуть толще, но чуть более устрашающе. – Хочешь всех за собой утянуть в могилу?

– Мальчики, хватит, – к столу подошла Клара. – Не умрём. Нам ещё жить да жить. Помните со второго корпуса старичка-то? Морган, кажется. Так он прожил девяносто два года, только потом умер и то, потому что упал с лестницы и сломал спину. Так, глядишь, и больше прожил бы.

– Так он на таблетках постоянно сидел, – буркнул в ответ самый первый старичок без коляски. Он выглядел сморщенным, словно изюм или курага, отчего становилось немного противно, но скорее это было из-за постоянно хмурого лица.

– Полно тебе, Роберт, – ласково сказала Клара и вновь повернулась к рабочему столу, где она успела разложить пару помидоров и огурцов. На тарелках рядом красовался омлет для нас четверых.

Я сел на соседнее кресло с Робертом. Заприметив меня, он попытался улыбнуться, но из-за хронической хмурости получилось это неважно. Я оглядел мужчин, сидевших напротив: двое иссохших старичков в застиранных рубашках, с дрожащими пальцами и губами. Они смотрели на меня, как на спасителя, как на ангела, спустившегося с небес. Но я понимал, что ничем не могу помочь, и поэтому чувствовал себя отвратно. Ещё немного – и оба они умрут от старости или бросятся с лестницы. У них, к сожалению, никого не осталось, кроме нас да Клары.

Двоих колясочников звали Герберт и Джордж. Я вспомнил их имена, только лишь вглядевшись в их измученные лица с огромными впавшими глазами. Они были очень похожи между собой, но братьями не были – один здесь жил всю жизнь, другой приехал из Англии. И оба пострадали в катастрофах, но в каких, отказывались говорить. Да и не нужно мне это.

– А вот и еда! – радостно воскликнула Клара, поставив перед нами тарелки с дымящимися ароматными жареными яйцами и хлебом. В центре стояла тарелка с овощами, а женщина уже наливала компот. – Налетайте!

Мы принялись есть в полной тишине. Клара мирно пила компот из своей фарфоровой чашки и смотрела в окно на приближающуюся грозу. Роберт то и дело поглядывал на меня, видимо, пытаясь вызвать интерес. Но мне не хотелось разговаривать. Стоило мне очутиться в этой комнате, в этом обществе, как я тут же почувствовал себя его частью. Отчаявшиеся. Брошенные. Безыдейные. Создатели прошлого и кости будущего, на которых будут стоять наши потомки. Мы были четырьмя частями одного механизма страданий, а Клара – связующее звено между всеми нами.

Мы ели молча, пока в один миг Роберт не начал рассуждать вслух:

– Ох уж эта молодёжь, – начал он. – Вечно придут, вечно всё испортят и дальше идут. Ничего больше им бог не додумался дать, вот и терпим теперь этих, – Роберт кивнул в сторону комнаты, где жили молодые люди, работающие на ферме.

– Ты слишком строг с ними, – сказал вдруг Джордж. – Они хотя бы работают, а мы? Просто прожигаем жизнь на крыльце, да смотрим на поля. Нас кормят, одевают, нам дали кров. Почему ты жалуешься?

– Потому что молодёжь хочет от нас избавиться, – серьёзно ответил Роберт. – А ты как думаешь, Генри? – он бросил на меня заинтересованный взгляд.

– Во всяком случае мы должны благодарить их за то, что они нас терпят, – я откусил кусок чёрного хлеба. – Они нас обеспечивают, а Клара вообще золотой человек, – я улыбнулся ей, и щёки у неё покраснели.

– И ты, Брут! – нахмурился Роберт. – Никакой поддержки! Что делается с этим миром? Молодые захватывают власть, держат при себе большие деньги, у них есть работа. А мы?

– Мы им просто завидуем. Старые дурни, – раздражённо буркнул Герберт, будучи особо худым даже в сравнении с Джорджем. – Роберт, просто признайся, что ты хочешь такой же лёгкой жизни. Да, нам не со всем повезло. Но тебе даже сейчас лучше, чем всем остальным. На что ты жалуешься?

Я одобрительно кивнул и слегка улыбнулся. Роберта застали врасплох.

– И ничего я не завидую, – обиженно бросил он и продолжил молча есть овощи из общей тарелки.

– А вы знаете вести из большого города? – сказал после недолгого молчания Джордж. – Сегодня по радио слышал, что на запад идёт буря. Видимо, засуха, жара везде, но только не у нас. Хотя это только затишье перед настоящим штормом.

– Буря? – сказал я, недоумевая. – Я думал, эти времена давно прошли. Думал, что сейчас единственная опасность – это солдаты с огнемётами.

– И всё равно эти солдаты будут реальнее, чем буря, – сказал Роберт. – Они всегда нас стороной обходят, никогда не видел, чтобы нас заметало песком и грязью.

– Значит, увидишь, – встрял Герберт. – Джордж сказал, что буря на запад идёт. Мы как раз на этом пути. А бури, кстати, маленькими не бывают.

– К чему ты клонишь? – спросил Роберт. – Думаешь, нас в любом случае заденет? Вздор!

– Ну, вот и посмотрим, – ухмыльнулся Герберт. – Ставлю двадцать марок, что буря пройдёт по нам.

– Тогда я ставлю тридцать марок, что мимо, – парировал Робби. – Всё равно я выиграю.

– Значит, пари, – улыбнулся Герберт. Они пожали друг другу руки, а Джордж разбил их.

Так мы и сидели, объедали последние закрома нормальной жизни в ожидании неведомой бури, что мчалась к нам на огромной скорости, сметая всё своём пути. Но только пока угроза кажется призрачной, люди не смогут воспринимать её всерьёз. До тех пока, пока буря не накроет их с головой, они не поверят и будут отрицать всё на свете.

А когда поймут, что ошибались, то будет уже поздно.

Вечером все мы из кухни, где просидели за бессмысленной болтовнёй весь день, перебрались в практически пустую гостиную, обклеенную слегка выцветшими бежевыми обоями. Мы расселись на старых ободранных диванах и трухлявых креслах, со скрипами и стонами мимолётной боли в теле приняли удобное положение и принялись выплёскивать во вселенную пустоту. Её же нам так не хватало.

Герберт и Джордж, похоже, чувствовали себя неуютно, учитывая то, что пересесть на удобное кресло никто из них не мог. Поэтому они встали рядом друг с другом прямо посередине комнаты и тихо о чём-то шептались. Клара читала книгу лёжа на бордовом диване, а Роберт просто смотрел в окно, за которым открывались зияющая пустота раздольных полей и россыпь звёзд в иссиня-чёрном небе, рассекаемым грозой, которая уже сходила на «нет». Небо было готово упасть в любой момент. Казалось, оно трескалось всё больше с каждым днём, и вот уже совсем недалеко до конца.

– И всё-таки мне кажется, что бури не будет, – пробубнил Роберт, не поворачиваясь. – Слишком спокойно на улице стало.

– Так и западная сторона немаленькая, – сказал Герберт. – Глядишь, за пару недель доберётся. Там и посмотрим, как она на нас налетит и снесёт город к чертям собачьим.

– Не неси чушь! – рыкнул Роберт и бросил злобный взгляд на своего оппонента. – Всегда мимо проходили бури, а тут возьмёт одна и проедется по нам. Так что ли?

– А как же случай несколько лет назад, – Герберт улыбнулся и подъехал чуть ближе. Казалось, напряжение между двумя стариками накалялось, воздух между ними превращался в вязкую липкую жидкость, в которой застывало всё, даже свет и время. Все зрители конфликта

отвлеклись от своих дел и теперь вновь наблюдали за этой мизансценой: два человека неистово буравят друг друга взглядами из-за догадок.

Клара отложила книгу в сторону.

– Хватит спорить, голова от вас разболелась. Какая вам разница, будет буря или нет? Поживём – увидим! – она встала с дивана и прошла к маленькой коробке настенной аптечки, из которой достала пару таблеток и, сходив на кухню за водой, проглотила их.

– Ах, вот как? – воскликнул Герберт и, не обращая больше внимания на Роберта, приблизился к Кларе. – Раз можно плюнуть на бурю, то давайте плюнем сразу на всё! На сбор урожая, на обеспечение стабильности, на сегодняшнее убийство розой!

– Остынь, – резко сказал я, и мой голос неожиданно громко растворился в коридоре и гостиной. Только спустя пару секунд до меня дошёл смысл его слов. – Погоди, что ты сказал?

– Убийство розой, – повторил Герберт немигающим взглядом. – Не слыхал? Я, когда вышел прогуляться, услышал разговор. Какие-то две девушки говорили что-то об убийстве розой, об аллергии и прочей ерунде. Я не стал вслушиваться и поехал дальше.

Эта новость взбудоражила мой разум. Теперь перед глазами появлялось это добродушное лицо мужчины, что так уверенно уговаривал продать ему розу. В его глазах больше не было жалости, в них были и жадность, и злоба, и ревность. Можно было бы предположить всё, что угодно, но одно оспаривать я точно не мог – я помог убить человека.

– Что с тобой, Генри? – Клара стояла возле меня и трясла за плечо. Я медленно вышел из странного транса, и взгляд вновь обрёл резкость. Рядом со мной стояли Герберт, Клара и Джордж. Все трое смотрели на меня, как на больного и измученного человека.

– Всё в порядке. Просто… кажется, я видел сегодня убийцу, – я замолчал, ожидая реакции. Клара широко раскрыла глаза, но виду не подала. – Он не местный. Проезжал здесь мимолётом, искал розу.

– Так что же ты его не задержал? – возмутилась Клара.

– А кто знал, зачем он ищет розу? – встрял в разговор Роберт, повернувшись ко всем. – Может, он в вазу хотел её поставить. Ну, кто бы мог подумать, что этим цветком можно убить?

– Во всяком случае, это немного настораживает, – спокойно ответил Джордж. Впервые за весь вечер его голос оглушил стены гостиной. – Кто будет искать в захолустье розы?

– Говорил, что для своей жены искал, – сказал я и запоздало прикусил язык. Все присутствующие в комнате смотрели на меня вопросительно и, видимо, ждали ответов. Я глубоко вздохнул.

Набраться смелости сознаться в таком деле довольно сложно. Кто знает, какой реакции они ожидали и чего ожидал я от них. Они мне практически никто, но даже этот момент стал монетой в копилку только зарождающейся дружбы.

И всё же молчать было уже поздно. Я привлёк слишком много внимания.

– Ладно, это я продал ему цветок, – выпалил я и закрыл лицо руками. Больная нога неприятно заныла. – Я убил человека. Понимаете?

На глаза наворачивались слёзы от страха заключения в нашей единственной тюрьме или самосуд на площади. Люди были очень изобретательны в методах казни, но в методах человечности ума всё ещё не хватало.

– Ты сейчас пошутил так? – нахмурится Роберт. – Если да, то это очень глупая и совсем не смешная шутка.

– Наверное, не следовало вообще заикаться об этом, – вздохнул я и упёр свой взгляд в пол. – Дурак. Какой же я дурак!

– Лучше уж рассказать кому-то, чем просто молчать и нести на себе такой камень, – тихо ответила Клара и села рядом со мной. – Ты поступил правильно. По крайней мере, сейчас.

– То есть… – Герберт встрепенулся и отвернулся к окну, – то есть ты понимаешь, на что ты себя обрёк? Ты помог убить кого-то, Генри. Несознательно, но всё же.

– Конечно, это позорное пятно на твоей репутации, – начал вдруг Роберт. – Но мы… мы же светские люди всё-таки, – он тихо рассмеялся, – мы тебя не сдадим. Так ведь?

Клара, Герберт и Джордж резко кивнули будто боялись, что передумают и встанут на сторону справедливости. Но они решили выбрать такую мимолётную дружбу, которая с каждым днём всё больше и больше прерывается пропастью смерти, разделяющей нас навсегда. И не все понимали, что навсегда – это действительно вечность. Жизнь не даёт поблажек в таких делах, иначе бы половина умерших давно воскресла.

– Спасибо, – буркнул я, и чувство вины за содеянное наливалось в сердце чёрной слизью.

– Ты не виноват в этом, – сказал вдруг Джордж. – Ты вообще здесь ни при чём. А знаешь, почему? Потому что ты не мог знать, зачем ему этот цветок на самом деле. Тем более, что его, возможно, уже задержали и твоей вины в этом ничуть нет. Так что просто успокойся. Иди на улицу, подыши. Вот увидишь, всё будет в порядке.

Я молча встал и, взяв трость, вышел из гостиной, чувствуя, как жарко становилось в комнате и как внимательные взгляды упирались мне в спину. Мне хотелось поскорее выйти на улицу и забыть обо всём этом, лишь бы ветер ночи сдул все дурные мысли из головы, оставив лишь пустоту, которую я мог бы заполнить следующим днём, ничем не отличающимся от предыдущего, кроме одного – я убил человека, ведь продавать оружие – это то же самое, что нажать на курок. Фактически, убийство.

Трудно было принять эту мысль. Она не подходила никуда, паззл не хотел собираться воедино, мысли путались всё больше, и стоило мне выйти на улицу, как прохладный ветер и аромат колосьев тут же выветрил всё из головы. На короткие мгновения мне хотелось забыть обо всём, забыть об этой жизни, о смертях в этих стенах, о больших надеждах и громадных провалах. Это здание, в котором я жил вот уже несколько лет, впитывало в себя всю людскую грязь, спуская излишки по коллекторам, выбрасывая черноту в реки. А мы и рады.

Я закрыл дверь в свою комнату на замок и посмотрел на свой дендрарий. Теперь отсутствие розы казалось для меня чёрным пятном на истории сада, и не хотелось больше видеть ни их, ни герань на окне, ни папоротник со своими длинными листьями-щупальцами. Они в один момент стали мне противны, в голову пришло осознание того, что даже миролюбивые растения могут стать орудием убийства.

Столбы моих ценностей и моральных устоев начали рушиться всё сильнее. Они ещё были крепки, но стоит мне сделать ещё несколько неверных шагов, и всё рухнет, а вместо меня появится дурная сущность, человек, которому чужды чувства.

Этого я боялся больше всего. Поэтому я со злостью взял клумбу и, сдерживая себя, чтобы не разломить её пополам, спрятал розы как можно дальше под кровать, а сам открыл запрятанную там же бутылку водки. Откупорил крышку и налил себе несколько рюмок.

Ночь опустилась на мир. Я опускался на дно.

III

Мне всегда казалось, что тишина приходит оттуда, где её в избытке. Она идёт томными, страшными шагами, ворошит опавшие истлевшие листья, неслышно гремит в небе и заставляет сердце каждого человека сжиматься от осознания того, что такая же тишина есть и на кладбищах, где помимо молчания слышен и горький плач. Каждый раз, когда я оставался один в пустой комнате, то понимал, что сам нахожусь в могильнике, что моё пребывание в тишине помогает мне умирать чуть быстрее. В один момент начинало казаться, что я разлагался живьём, и горькие иллюзорные слёзы сами катились из глаз и рушились о холодный пол.

И никто не мог мне помочь.

Утро было по-настоящему молчаливым. Мы смотрели друг другу в глаза, словно забыв, что происходило прошлым вечером, в наших взглядах было только недоумение, возможно, некий страх, ведь каждый из нас чувствовал, что надвигалось что-то ужасное. Мы уже чувствовали жгучие прикосновения ветров – они летели всегда с запада, откуда-то из-за белых облаков и свинцово-серых туч, где изредка блестели молнии и солнце пробивалось тонкими лучами сквозь громадный заслон.

Я шёл рядом с Майклом по единственной широкой улице, по которой обычно никто по утрам не ходил. Он зашёл за мной утром. Тихонько отворил дверью мою скромную обитель и, увидев, как я поливаю цветы в бледных лучах восходящего солнца, вошёл и остановился позади.

– Скучаешь по ферме? – чуть хрипя, спросил он.

– Нет, – тихо ответил я, медленно, натужно поливая гортензии, словно хотел растянуть это тоскливое мгновение. – Я не был там очень давно, зачем мне скучать?

Казалось, Майкл хотел подойти ещё ближе и что-то сказать, но всё стоял на месте.

– Мне казалось, она была тебе близка.

– Тут ты, конечно, прав. Очень близка, – я повернулся к нему. Он был одет в униформу, в которой обычно у нас и работали на фермах – скромно и бледно. – Ты сегодня работаешь?

– Да, мистер Берг сказал, что Стефан заболел и мне сегодня придётся выйти за него. Как назло, солнце печёт, ещё и комары разбушевались, – Майкл демонстративно почесал укусы на шее.

– Зачем ты пришёл?

– Я тебя ещё не видел сегодня утром. Кстати, моя жёнушка передаёт «привет».

– Как у неё со здоровьем? – спросил я и, бросив на него заинтересованный взгляд, подошёл к герани и плеснул на землю в горшке немного воды. Затем поставил лейку возле комода и пощупал листья папоротника. Слегка влажные.

– Ну ты же знаешь, – начал он, на миг потупив взгляд в пол, – роды прошли довольно тяжело, до больницы бы не успели. Она идёт на поправку, я хочу в это верить.

– Все мы верим в лучшее, – заметил я, садясь на свою кровать. – Это отнюдь не плохо. Это вредит человеку только тогда, когда надежды совсем уже нет, но он продолжает верить и с улыбкой на лице идти сквозь артиллерийский огонь и горы трупов.

– Оптимизм не худшая человеческая черта, верно? – улыбнулся Майкл.

– Мне всегда были непонятны неунывающие оптимисты. Они надели розовые очки и надеются, что всё исправится само собой, ведь «лучшее есть везде и всегда, и у нас есть». Как по мне, это работает не так. Они видят живую муху над горой трупов и радуются этому. Но разве это повод для радости?

– Не каждый оптимист будет радоваться мухе на пепелище, – вдруг серьёзно сказал Майкл, присевший рядом со мной. – Это, как минимум, неприлично. Сострадание есть почти в каждом из нас.

– Почти. Вот главное слово, Майкл.

– Генри, неужели ты думаешь, что оптимисты – дураки?

– Дураки, каких поискать надо.

– Возможно, ты и прав, но всё равно человеку нужно уметь искать во всём хорошее.

– Но не тогда, когда плохого значительно больше, чем хорошего. Лучше радоваться тому, что что-то ужасное не поглотило нас полностью. Это ли не повод для радости? – я встал и, взяв трость, прошёл к двери. – Думаю, нам стоит слегка прогуляться. Пусть наши мысли останутся в этой комнате.

И вот, спустя каких-то десять минут мы неспешно шли вдоль пустынной дороги и слушали завывания погребального ветра в вышине и чувствовали, как он поёт нам прощальную песню. Он был предвестником, предсказателем, который кричал, чтобы люди хотя бы раз его поняли, но попытки его тщетны. Нас разделял непроницаемый купол эгоизма и недопонимания.

Майкл брёл медленно, под стать моему тихому шагу. Он, казалось, чувствовал, что сильно опаздывает и мистер Берг мог бы сделать с ним всё, что угодно, но почему-то предпочёл оставаться в моём обществе. Разглядывая пустынные окрестности, испепелённые летним солнцем, мы позволили себе расслабиться, отдохнуть от тяжёлых мыслей и погрузиться в печальную яркую атмосферу нашей скудной жизни, на которую мы были обречены. Наши судьбы закованы в цепи, и теперь никто не смог бы увезти нас отсюда, чтобы дать нам большее, чем простой умирающий городок на востоке Германии. Вместо этого, каждый из нас влачил бессмысленное существование, пытаясь прыгать вверх из ямы, в которую мы сбросили сами себя. Мы уничтожили то, что живо, и отстроили неживое царство тьмы и пыли, заметающее нас с головой. Ещё несколько недель или дней – и мы погрузимся в омут полностью, и тогда уже мы не сможем помочь себе выбраться из этого десятого круга ада.

Справа от дороги и от меня колосились бескрайние поля пшеницы. Ветер пытался выдрать их с корнем практически каждый день, но сегодня нам всем повезло: он ласково трепал колосья, и они много качались в такт нашим сердцам. Мы были с этими полями единым целым, потому что думали, что наша душа так же безгранична и чиста, словно бы не было первородного греха, не было изгнания, не было смертей и боли, что причиняло всему миру человечество на протяжении тысяч лет.

Где-то в тридцати метрах от начала поля высилась к небу маленькая Вавилонская башня. Она выглядела неказисто и совсем не походила на то, что описано в преданиях. Обыкновенная деревянная вышка с лестницей, верхний этаж обнесён наспех сколоченным забором, в центре торчала обтёсанная палка, на которой не хватало чего-то ещё. Внизу копошились двое тёмных силуэтов, на фоне восходящего солнца они выглядели слегка карикатурно.

– Кто это? – я показал пальцем в сторону вышки.

Майкл пригляделся и снисходительно улыбнулся. Потёр глаза и посмотрел на меня.

– Ребята решили наблюдать за бурей с большого расстояния. Вот и решили строить вышку.

– А Берг дал разрешение?

– Это дело важно для всех нас. Конечно, дал. Неужели ему хочется, чтобы весь наш урожай превратился в безжизненные пустоши, в которых мы все погибли бы?

– Я думал, буря стала для всех не более, чем слухом, – сказал я.

– Нет. Суеверные, да и просто боязливые люди уже начали собираться к отъезду. Неспроста это. Вы ещё не начали подготовку?

– А куда я пойду, скажи мне на милость? Мы слишком далеко от любых других городов. Я не дойду, это всем и так понятно, – я бросил угрюмый взгляд на трость.

– Мы можем уехать. Думаю, мистер Берг дал бы нам машину. Если, конечно, не захочет сбежать со своей семьёй, а я уверен, что нет.

– Почему же?

– Он зарабатывал на этой ферме всю жизнь, чёрта с два он бросит всё из-за слухов. Во всяком случае, мы все хотим верить, что буря – всего лишь выдумка. Иначе нам просто ни за что не выжить, вы это и сами прекрасно понимаете. Просто нам нужно думать об этом не как о великой угрозе, а как об очередном этапе нашей жизни. Люди приходят и уходят. Здания рушатся, прошлое стирается самой природой. Это закон нашей жизни. Так было всегда.

– И что ты предлагаешь? – я остановился прямо напротив вышки и смотрел вдаль, где кружились тёмные тучи и полыхала наша будущая смерть и перерождение пылало белым огнём.

– Пока ничего. Мы ничего не знаем о бури, глупо, конечно, сломя голову убегать, но… – Майкл серьёзно посмотрел на меня, – но готовиться к худшему никогда не поздно.

Я ничего не ответил, лишь бросил полный надежды взгляд на вышку и помолился Богу, чтобы он помог обнаружить нашу смерть раньше, чем она поглотит нас с головой и наполнит наш рот песком и выколет глаза летящими с огромной скоростью камнями, что отломились от колонны миролюбия, на которой держалось наше человечество. Она уже грозилась развалиться.

Вдруг почувствовалась необычайно мёртвая тишина. Словно бы тот, кто умер, умер ещё раз, и теперь все люди и весь мир вместе с ними молчал, скорбя. Ветер затих, колосья встали ровными мягкими колышками, птицы уселись на крышах общежитий и домов и терпеливо пережидали ещё один беспокойный день, за который каждый мог умереть.

Но сегодня я не хотел погибать. Сегодня мне хотелось выжить хотя бы ещё раз.

– Мне пора, – сказал Майкл, когда мы остановились возле поворота, ведущего сквозь пшеничное поле прямиком к большому наросту амбаров и заборов, из которых слышался животный шум. – Подумай над моим предложением. Уехать из города никогда не поздно.

– Я просто буду надеяться, что буря пройдёт мимо. Мне спокойнее будет.

– Очень зря. Но как говорится: «предупреждён – значит вооружён». Увидимся вечером.

Я вяло кивнул в ответ и ещё пару минут смотрел, как он постепенно растворяется в темноте фермерских силуэтов, где он сливался с огромным амбаром. Нога неприятно заныла, стоило вспомнить о тех временах, когда я ещё мог принести людям настоящую пользу.

– А ведь тогда я был совсем мал, – прошептал я себе, зная, что никто во всей Вселенной не слышал меня. – Слишком глуп и наивен. Ничего и не изменилось.

Я покрепче сжал ненавистную трость, мечтая, чтобы она сломалась от такого давления. Мне не нравилось чувствовать себя обузой в обществе, не нравилось ощущать странные колющие взгляды в спину, тихие переговоры людей из соседнего общежития. Иногда я мечтал отдохнуть от всего этого, найти укромное место в уголке пустой комнаты и просто сидеть, рассматривая чистую тьму в глубине сознания, где меня никто не смог бы достать.

Эта ферма испортила мне жизнь. Но почему-то в тот момент больше всего на свете мне хотелось вернуться туда и никогда не возвращаться в свою ненавистную каморку, обклеенную некрасивыми выцветшими обоями и целой кучей никому не нужных цветов. Ферма была роднее, чем что-либо на этой земле, но туда мне был путь закрыт.

А теперь, спустя столько лет унылого прожигания жизни, я вновь почувствовал себя слишком беспомощным и бесполезным для этого мира, в котором частые гости – убийства и лицемерие.

Я шёл домой в расстроенных чувствах. Последние годы выжали из меня все соки, и мне ничего не оставалось, кроме как присесть на стул и немного перевести дух. Но, похоже, надвигающаяся опасность не даст это сделать никому из нас.

Я вновь смотрел на свой дендрарий. Сегодня, в бледных лучах восходящего солнца он выглядел чересчур устрашающе и печально. Тени от растений падали на холодный пол и стены,

погружая комнату в уже ставший привычным полумрак. Ветер проникал сквозь приоткрытую форточку и тормошил полупрозрачный тюль.

Но всё ещё стояла тишина. Мёртвая. Одинокая. Устрашающая.

Часы медленно отбивали свой ритм. Сердце колотилось им в такт. Я же сидел на кровати и держал в руках ножницы, которыми ещё пару дней назад отрезал оружие убийства. Это событие отпечаталось в моей памяти, ведь, по сути, я стал соучастником преступления. Иногда меня охватывал панический страх, что за мной вот-вот придут люди из полиции и посадят в тёмную сырую камеру. Но как назло ничего не происходило, и от этого страх лишь усиливался.

Я жалел о том, что проболтался сожителям о своём поступке. Это было глупо. Глупо! Глупо и неоправданно! Зачем им вообще это знать? Нельзя было подвергать и себя, и их такой опасности. Я подозревал, что, возможно, это выльется во что-то более серьёзное и страшное.

Не умел я скрывать правду. Редко когда мне удавалось промолчать в нужный момент, чаще всего правда сама вырывалась наружу, подвергая кого-то опасности, предавая кого-то. Порой казалось, что болтливость (или обострённое чувство справедливости) – худшее человеческое качество, потому что оно открывает дорогу в мир опасной правды, которая иногда убивает не хуже ножа или ружья.

Нужно было просто смириться, жить дальше и надеяться, что ни Клара, ни Герберт, ни Робби или Джордж не сдадут меня в полицию при первой возможности. И так как от них зависела моя дальнейшая жизнь, нельзя было ни с кем ссориться.

Я выглянул в окно, пройдя сквозь неплотную стену папоротников и высоких цветов. В нос ударил приятный запах цветения. Сквозь чуть запылённое окно посмотрел вниз, во двор, где расстилалась дорога. На ней всё ещё было пусто, лишь где-то вдали, у другого общежития я слышал приглушённые голоса тех, кто любил утром выбираться на улицу и рассуждать о вечном. Такие же, как и все мы. Молодые душой, старые сердцем.

Мне вдруг показалось, что в здании всё ещё душно несмотря на открытое окно. Горячий воздух этих плодородных земель сжигал этот дом изнутри, плавил подвальные помещения, вещи и тела тех, кому давно пора на покой. Старики, чья жизнь давно стала серой и унылой, и даже прекрасные просторы не спасали от всемирной меланхолии и скуки, накатившей на всех свинцовыми волнами, погружая в потусторонний мир тьмы и отчаяния.

И вот, когда казалось, что наш город медленно умирал под палящими лучами летнего солнца, среди этих бледных стен вновь разгорелась война.

Война за жизнь тех, кто никогда не знал, что такое смерть.

IV

Внизу снова слышался гвалт голосов. Я спустился вниз и увидел в гостевой комнате Клару, Герберта и Робби. Они находились друг напротив друга и смотрели в глаза и напряжённо дышали, словно разъярённые быки, готовившиеся к рывку. Клара стояла поодаль и издали наблюдала эту уже не первую перепалку.

– Как тебе не стыдно говорить такое? – возмущался Герберт. – Тебе совсем плевать на людей?

– Да! – гаркнул в ответ Роберт. – Да, плевать! Что я сделаю, если практически все люди глупые?

– Смириться, – тихо сказал я, опершись на трость, встав рядом с уставшей Кларой. – Думаешь, стоит покричать об этом, и все глупцы тут же исчезнут?

– Ты не так меня понял, Генри.

– Тогда я и вовсе тебя не понимаю.

– Оно и не надо, – махнул рукой Робби. – Разве мы можем просто взять и уйти? Мы корпели над нашим городом несколько десятков лет. Мы не можем просто оставить насиженное место и уйти в открытое плавание, не зная куда идти. Это глупо и бессмысленно. Большинство из нас даже не дойдёт до большого города. И ты, Герберт, предлагаешь отправить в этот последний крестовый поход невинных людей?

– Роберт, – начал оппонент, – я не хочу убивать этих людей и уж тем более не хочу брать на себя такую ответственность. – он бросил на меня странный взгляд и вновь вернулся к Роберту. – Даже если у нас нет шансов при любых обстоятельствах, то тогда наверное лучше умереть где-нибудь по дороге, а не задыхаясь во время бури. Или я не прав?

– Конечно, не прав! – сказал Роберт. – Зачем тогда уходить, если по твоим словам мы всё равно умрём, при любом раскладе?

Эти слова эхом отдались в гостевой комнате и потонули в полумраке коридоров. Свет был выключен, за окном на посеревшим небе собирались ещё более тёмные тучи. Поднялся холодный ветер, треплющий невысокие деревья, стоявшие прямо вдоль фасада нашего общежития.

Я посмотрел на Клару. Она выглядела взволнованной. Похоже, эти двое заставили её занервничать, особенно слыша такие слова.

– Нужно хотя бы попытаться. А ты просто хочешь принять свою смерть, – Герберт отъехал назад и повернулся к окну. – Ветер крепчает. Это знаки. Каждый день ведь собирается буря. Ты не хочешь этого замечать, Роберт, тебе плевать на это. Ты хочешь ни о чём не заботиться и делаешь всем только хуже.

– Эти бури не имеют отношения к тому, что и так пройдёт мимо, – буркнул Роберт.

– Слишком уж волнительно ты это говоришь. Ты тоже боишься, и это нормально. Зачем отрицать очевидное?

– Хватит, – серьёзно сказал Робби. – Когда ты уйдёшь вместе с теми, кто захочет следовать за тобой, я посмеюсь над вами. Но когда вы приползёте в город изможденные, я ничего делать не буду. Вы сами выбрали этот путь.

– Мы не придём обратно. Мы дойдём до большого города и будем жить как нормальные люди. А ты будешь сидеть здесь и завидовать, как ты обычно и делаешь.

Герберт отвернулся от окна и быстро выехал из гостевой комнаты, оставив нас втроём неловко молчать. Я стал свидетелем нарастающего конфликта, но понимал, что ничего не могу сделать, что каждая сторона права по-своему. Принимать участие в этом хаосе мне не хотелось, да и никому бы не хотелось. Двое кричащих друг на друга стариков решают судьбу умирающего городка на отшибе мира. А что можем сделать мы, те, кто не знает, что делать? Что бы нам ни пришлось выбрать, это наверняка окончится плохо для всех, потому что хаос, бушующий

в людях, даст о себе знать. Трещина, через которую выльется жёлчь дикой злобы и жажды разрушений, сотрёт грань между человеком и животным, и тогда нас уже ничто не спасёт. Мы убьём себя сами. Не буря. Не эпидемии. Мы станем убийцами себе подобных.

От осознания безысходности ситуации мне в голову начинали лезть самые страшные мысли. Огромная буря, которая в силах стереть нас с лица земли и развеять прах по ветру, приближалась. С каждым днём становится всё тяжелее просыпаться по утрам, перебарывая нарастающий естественный, животный страх смерти. Видя, как безмятежно встаёт солнце по утрам, как медленно плывут по небу свинцовые облака, становится жутко, и всё тело сжимается изнутри, когда понимаешь, что совсем скоро от всего этого безмятежно настоящего останется только тёмное будущее.

Герберт был прав. Все мы боимся, и это нормально. Только нельзя позволять страху брать над разумом верх.

– А что ты скажешь, а, Генри? – Роберт вопросительно смотрел на меня. – Что бы ты сделал?

– Я ничего не решаю, – я сел на твёрдый диван. – Мы ничего не решаем, Роберт. Как ты можешь брать на себя такую ответственность?

– И ты туда же! – воскликнул он. – Ты тоже веришь в эти бредни про бурю?

– Хотелось бы не верить, как и тебе.

– Но ты веришь.

– Лучше хотя бы попытаться сохранить жизнь себе и другим, а не просто сидеть и ждать своей смерти.

– А ты, Клара? Что скажешь?

Женщина на мгновение растерялась, словно ушла в забытье и только хрипловатый голос Роберта смог вывести её из некоего транса. Она встрепенулась, и взгляд вновь обрёл осознанность. Посмотрев на мужчину, Клара прошептала:

– Я не хочу так. Не хочу решать за всех людей, но… мне кажется, Герберт прав. И Генри тоже. Неужели тебе хочется просто сидеть сложа руки? Мне нет.

– Все против меня! Вы с ним сговорились, да? – возмутился Роберт. – Или он вас подкупил и теперь вы обязаны выбирать его сторону?

– Что за вздор! – сказал я повышенным тоном. – Просто прими факт того, что все мы в опасности, и тебе станет легче.

– Нет уж, спасибо, – сухо ответил Роберт и посмотрел в окно. Увидев приближающуюся грозу, он нахмурится. – А эта гроза… они у нас часто бывают. Так что никакие это не знаки.

Роберт встал и вышел из комнаты. Мы с Кларой переглянулись, и на её лице я увидел снисходительную улыбку. Я улыбнулся в ответ.

– Думаешь, это во что-нибудь выльется? Ну, их спор, – женщина присела рядом со мной.

– Они оба не имеют достаточно власти, чтобы вести за собой людей. К тому же, у нас нет достоверной информации. Зачем нагнетать?

– Надеюсь, буря всё-таки пройдёт мимо. Не хочется мне умирать.

– Умирать никому не хочется. Но все поют за смерть, хоть и не видели её истинного лица.

– А ты видел?

Я ответил спустя пару секунд. Тяжёлое молчание накрыло нас непроницаемым куполом.

– Да.

– Не хочешь поехать со мной за водой? – Майкл стоял на обочине дороги и, держа в руке тряпку, протирал свою и без того грязную машину – дешёвый пикап, на крыльях которого собралась многолетняя ржавчина, а сиденья оказались разорваны и из них торчали мягкие внутренности, словно бы умирая в агонии. Я шёл мимо по старой улице, где стояли ветхие

дома ещё живых жителей нашего города. Улица пустовала – в такую погоду на улицу выходить не хотелось никому. Мне тоже.

– Взгляни на небо, Майкл, – я ткнул пальцем в серое полотно над нами. – Что ты видишь?

– Облака. На вид тяжёлые. Но какое отношение это имеет к моему предложению?

– Мне кажется, не успеем доехать до источника, – сказал я и посмотрел вдаль, на слегка поднимающуюся дорогу, за которой после поворота налево в бескрайние поля и на границе с мрачным лесом, что рос позади общежитий, стоял большой колодец, питающий наши засохшие тела.

– Это просто тучи. Тучи – это не дождь.

– Тучи – предвестники бури.

– Ты поедешь или нет?

Я колебался, смотря то на дорогу из города, то на взволнованного Майкла. Он сжал в руках грязную тряпку и хмуро буравил меня глазами. Наконец, я ответил:

– Поеду, конечно.

Мы сели в машину, и уже спустя пару мгновений машина с треском неслась по дороге из щебня и песка, пытаясь вырваться всё дальше и дальше от нашего будущего могильника. Пока мы поднимались на холм, я обернулся и оглядел городок свысока. Он выглядел чересчур скудно и пусто для места, которое изредка продаёт пшеницу на фабрики для производства хлеба. Людям его не хватало, и мы не сдавались. Вернее, не сдавался мистер Берг, чей дом стоял поодаль – среди полей – и гордым чёрным наростом возвышался над ровной колыхающейся поверхностью пшеничных просторов. Вокруг его большого особняка можно было ещё заметить несколько амбаров и загонов для скота. Но уже спустя пару секунд тень накрыла город, и разобрать что-либо внизу оказалось невозможным.

Я взглянул на Майкла. Он невозмутимо глядел вперёд и будто бы высматривал во тьме знакомый поворот, от которого зависела вся наша жизнь.

– Ты бы уехал из города? – спросил я, и мой вопрос резал пространство в этом гнетущем гуле автомобиля и непривычной тишиной степи. Майкл посмотрел на меня и, стараясь не отвлекаться от движения, ответил:

– Если что?

– Если бы я предложил.

– Ну, если ты… – начал он.

Он на некоторое время замолчал, тупо глядя на длинную бледную ленту дороги, теряющуюся вдали. Затем вновь бросил на меня встревоженный взгляд.

– Если ты, то скорее всего да.

– Почему? – поинтересовался я и замолчал.

Майкл выглядел на двадцать пять лет, по нему нельзя было точно определить, потому что его бледная ровная кожа, его взгляд, наполненный духом авантюризма, резкие точные движения и холодный расчёт позволяли ему чувствовать себя более молодым. Но я не знал, сколько точно ему лет.

– Я и сам бы рано или поздно предложить убежать, – наконец, ответил он. Вдали показался поворот. – Всем же и так понятно, что город долго не протянет. Во всяком случае, долго.

– Тут я с тобой согласен, – сказал я. – Но смогли бы мы бросить всё, что мы нажили, ради новой призрачной жизни?

– Не сейчас, – серьёзно ответил Майкл, когда поворачивал на заветную прямую дорогу, ведущую прямо к колодцу. – Пока ещё есть надежда, мы не упустим возможности наблюдать за тем, как наши предсказания сбываются. Если нам удастся увидеть то, как близкие умирают, то сможем стать свободными и тогда уедем.

– Ты говоришь, как проповедник, – ухмыльнулся я. Машина резко затормозила и, проехав ещё пару метров по инерции, замерла на месте. Я почувствовал, как ей стало легко после выключения двигателя.

– А как ещё говорить на такие темы? – он посмотрел на меня, затем достал из багажника четыре стальных бидона. – Неужели на тему смерти можно рассуждать с помощью слишком простых слов?

– Иногда простыми словами можно сказать больше, чем сложными.

– Но не всегда это нам помогает, – натужно ответил Майкл, пока ставил бидоны на край колодца. – Люди глупы, а нам только и остаётся, что наблюдать за собственной беспомощностью и с укором в глазах качать головой, видя, как мы методично убиваем друг друга.

Я стоял и смотрел, как Майкл наполнял бидоны один за другим. Как только он закончил кидать во тьму привязанные верёвкой тары и набирать воду из наполовину пустого колодца, я помог загрузить воду в багажник и закрепил бидоны с помощью пары мотков бечёвки. С грохотом закрылся багажник, и мы вновь сели на свои места.

В тёмном небе не было видно ни единого пятнышка света, словно огромный ковш с раскалённым свинцом похоронил нас на этой земле, с которой нам не улететь. Бог возмущён, и послал на нас бурю, лишь бы успокоить. Внутри каждого было слишком много агрессии и неоправданной злобы, так что единственным способом избавиться от лишней ненависти для Бога было истребление. Скоро разразится гроза и дождь погребёт под собой грязные улицы, оставив лишь природные зеркала на земле, очищая нас от скверны, проклятия, которое мы сами на себя наложили. Я хотел искупить свою вину, но, похоже, в тот день Бог перестал слушать нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.